
РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

С.Р. ХАЙКИН, Н.А. ЧЕРЕНКОВА

В феврале—марте 2003 г. социологической службой Validate проведена серия исследований на территории Чеченской Республики. Качественное исследование — фокус-группы и глубинные интервью. Количественное исследование — две волны представительных для населения республики опросов (по 1000 интервью в каждом). Это первые репрезентативные опросы в новейшей истории Чечни.

Статья посвящена описанию опыта организации и проведения опросов общественного мнения на территории Чеченской Республики. Рассматриваются вопросы построения выборки, рекрутирования и подготовки интервьюеров, организации опроса, конструирования инструментария исследования, приводятся доказательства надежности измерения и достоверности полученных результатов.

Исследование вскрыло новые, подчас неожиданные, тенденции в общественном мнении населения Чечни. Так, показывается, что сепаратизм не является характерным признаком большинства населения республики. Около 66 % опрошенных сегодня приходит к выводу, что Чечня должна оставаться в составе России. В статье описываются причины и факторы, определившие такую позицию населения. Вскрываются основные проблемы населения, «болевы́е точки»: личная безопасность граждан и всевластие военных, безработица, отсутствие жилья и т. д. Представлена оценка населением нынешней ситуации в республике, показано, что шаги федеральной власти по нормализации положения в Чечне позитивно воспринимаются людьми, но пока «сигналов мира» меньше, чем «сигналов войны».

Исследование показало, что большая часть населения Чечни положительно отнеслась к проведенному в марте 2003 г. референдуму, расценивая его, как «возможный шаг к миру». В статье описываются ожидания и опасения людей, связываемые с референдумом, приводится прогноз по числу участников и возможным результатам голосования.

Авторы ставят вопрос о необходимости исследования природы чеченского сепаратизма, обобщают причины и факторы, приводящие каждого четвертого жителя республики к выводу о предпочтительности самостоятельного, отдельного от России пути развития.

Авторы полагают, что полученная в исследовании информация позволит скорректировать политическую стратегию российского государства в отношении Чечни, даст возможность мировому сообществу по-новому и более объективно взглянуть на чеченские проблемы.

Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсу «Методология социологических исследований».

Проблема

Многие годы чеченская проблема находится в эпицентре общественного внимания. От ее решения в значительной степени зависит судьба народа Чечни, оценка деятельности президента и правительства как внутри страны, так и восприятие России мировым сообществом. Сегодня представление о мнении населения Чечни базируется в основном на личных и весьма фрагментарных наблюдениях журналистов, сотрудников правозащитных и гуманитарных организаций, публичных выступлениях российских и чеченских политиков, порой весьма тенденциозных и не имеющих точной информации о преобладающих в Чечне настроениях. Все, что происходит в Чечне, в большинстве публикаций описывается с точки зрения противостояния федерального центра и сепаратистки настроенного населения, исключительно как история продолжающейся «одиннадцатилетней борьбы за независимость» [Far from normal 2003, Putin's proposition 2003].

Отсутствие в обществе достоверной информации о жизни и настроениях народа Чечни приводит к полному непониманию того, чего ждать от чеченцев, как и в каком направлении может развиваться ситуация в республике. В российском общественном мнении преобладает желание отгородиться, освободиться от «чеченского кошмара». Озабоченность чеченской проблемой падает, а по отношению к самим чеченцам возникает смешанное чувство жалости и страха. Ложные стереотипы порождают ложную политику.

Чеченское общество нуждается в объективной самооценке не меньше, чем российское. Сегодня чеченцы могут судить о том, что думают о них Россия и мир, но в условиях отсутствия «гласа народа» лишены возможности рассказать миру о своих проблемах, чувствах и настроениях, увидеть и оценить самих себя в зеркале общественного мнения.

В течение последних полутора десятков лет на территории Чечни не проводились представительные социологические исследования. Считалось и считается, что это практически невозможно сделать. Сложилось традиционное представление об особенностях «чеченского поля». Это — продолжающаяся война, разрушенные коммуникации, полное отсутствие достоверной статистической информации о населении республики, враждебность и недоверие людей и, как следствие, личная опасность для исследователя.

Цели и задачи исследования

Предпринятое нами исследование было нацелено на решение двух главных задач. Во-первых, требовалось получить информацию об основных проблемах чеченского общества, выявить и изучить «болевы́е точки» — проблемы и ожидания населения республики. В связи с предстоящим в марте 2003 г. референдумом нас, безусловно, интересовала степень информированности о референдуме, каналы информирования, намерения людей по поводу участия в референдуме и голосования. Важно было понять, какие факторы вообще влияют на оценку ситуации в Чеченской Республике.

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

Во-вторых, своим исследованием мы хотели способствовать формированию общественного мнения в Чечне как института, предпринять конкретные шаги, чтобы это было не иллюзорное мнение, а мнение, действительно отражающее реальность.

Существует стереотип, что если не проводятся опросы, то нет и общественного мнения как социально-психологического института. Из этого следует, что в Чеченской Республике общественного мнения вообще нет. Оказалось, что общественное мнение в Чечне все-таки существует. Оно, может быть, иллюзорное, что обусловлено относительно небольшой территорией и изолированностью населения как внутри республики, так и от всего остального мира. В советские времена более 200 тыс. чеченцев ежегодно выезжали на заработки на территорию России. Сейчас они лишены такой возможности, т. е. люди варятся в собственном котле. Кроме того, население страшно политизированно. Степень политизированности сравнима с таковой в России начала 1990-х годов. Это связано в первую очередь с тем, что из-за комендантского часа и препон, которые представляют собой блокпосты, люди вынуждены собираться по домам, где обычно смотрят телевизор (большинству населения доступны центральные каналы телевидения, местные каналы работают не более одного—двух часов в день) и обсуждают каждое слово, которое говорится о Чечне. И поэтому невольно все социально-политические, социально-экономические проблемы Чечни являются осознанными, осмысленными, утвердившимися в общественном мнении. Есть в Чечне еще одна очень характерная особенность, то, что сами чеченцы называют «цыганской почтой», т. е. слухами. О каждом событии, которое происходит на любой из границ Чечни, в любом самом отдаленном селе, немедленно становится известно на грозненском рынке, на автобусной станции, куда люди приходят для того, чтобы узнать, что где происходило.

Таким образом, чеченское общество имеет собственное мнение, но не имеет каналов его выражения. Поэтому, возвращаясь ко второй задаче исследования, нам хотелось создать «зеркало», в которое чеченское общество смогло бы посмотреть на себя, чтобы это «зеркало» не было кривым, чтобы люди доверяли изображению, узнавали себя в нем. Для этого необходимо было решить организационно-методическую задачу: понять, возможно ли в принципе в Чечне проводить исследования. Если да, то кто может их проводить, как лучше их организовать, как снять тревожность и опасения респондентов, обеспечить надежность измерения.

Для решения этой задачи были предприняты шаги по созданию на базе наших опросов национального Центра изучения общественного мнения при Чеченском государственном университете. Представляется, что «своему центру» люди будут больше доверять. Преимущества университета для реализации задачи создания такого центра совершенно очевидны: с одной стороны, университет для чеченцев — это ученые, интеллектуальная сила, научность и объективность, с другой стороны, университет известен своей «фрондой»; преподаватели и студенты дистанцированы от власти и, с точки зрения людей, более других склонны к трезвому и правдивому восприятию ситуации.

Метод

Первоначально возникла идея проводить опросы в Чечне с территории Дагестана: вывезти в относительно спокойный Дагестан участников фокус-групп и интервью, в Махачкале готовить интервьюеров, которые будут проводить опросы на территории Чечни. Но очень быстро мы поняли, что это — тупиковый путь: исследование не могло по-настоящему контролироваться, ни о каком серьезном понимании ситуации в Чечне не могло быть и речи без того, чтобы увидеть все своими глазами¹.

Поэтому было принято решение об организации исследования непосредственно на территории Чечни. В феврале было проведено качественное исследование (фокус-групповые дискуссии и глубинные интервью), а в марте 2003 г. — два репрезентативных опроса.

Качественное исследование

Качественное исследование включало в себя 4 фокус-группы и 10 глубинных интервью. Это было пилотное исследование, цель которого заключалась в прикосновении к проблеме. Мы хотели понять, как люди отнесутся к исследованию, где находятся основные «болевые точки», чего ждут чеченцы от местных и федеральных властей.

Фокус-группы рекрутировались на основе принципа территориальной представительности основных регионов Чечни.

Территориально Чечню можно разделить на три зоны — север (Притеречные районы), центр (предгорные районы) и юг (горные районы). Это устоявшееся, хотя и неофициальное деление. Каждый из регионов, в который входит несколько районов, имеет свои характерные особенности и различия в судьбе.

К Притеречному региону относятся Шелковской, Наурский и Надтеречный районы; к Центральному или предгорному — Грозный и Грозненский район, Гудермес и Гудермесский район, Аргун, Урус-Мартановский, Ачхой-Мартановский, Шалинский и Курчалоевский районы; к Горному региону — Веденский, Ножай-Юртовский, Шатойский, Шаройский и Итум-Калинский районы.

Таким образом, одна группа была собрана из жителей южных районов республики, вторая — из центральных и третья — из северных районов. Важно отметить, что это были люди, которые там живут в настоящее время и которые там родились. Они являются реальными носителями впечатлений о том, что сейчас происходит в каждом из районов Чечни. Во всех трех фокус-группах были простые люди разнообразных профессий, не имеющие высшего образования.

Аудитория четвертой фокус-группы — молодежь, студенты грозненских вузов. Оценки молодежи, выросшей «при Ичкерии», часто наиболее радикально настроенной, безусловно были очень важны в нашем проекте.

¹ Именно по этой причине вызывает сомнение представительность интервью, проводимых с чеченцами в Москве или в лагерях беженцев, расположенных на территории Ингушетии.

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

Фокус-группы проходили в двух местах. В Грозный были привезены жители южных и центральных районов. Надо отметить, что южные районы заселены гораздо меньше, чем центр и север, так как это горный регион. На границе с Грузией находятся совсем маленькие населенные пункты, и многие жители оттуда ушли, поэтому вывезти людей из нескольких южных районов в Грозный было проще, чем проводить исследование на месте. В Грозном же были проведены исследования с населением центрального региона Чечни (Гудермес, Ачхой, Аргун, Грозный, Грозненский район, Урус-Мартан). Чтобы лучше почувствовать настроения на севере, тем более что туда выезжать менее опасно, чем на юг, одна фокус-группа и серия интервью были проведены в станице Шелковской.

Заметим, что приезжающим в республику не принято передвигаться «без сопровождения», т. е. без вооруженной охраны (милиции). Вопрос, почему мы следуем без сопровождения, задавали нам на всех блокпостах. Очевидно, что исследователь не имеет права перемещаться с охраной, если рассчитывает получить достоверную информацию. Кроме того, такая охрана может обратить на себя внимание «бомбистов», которые решат, что в машине едет какой-то важный чиновник — привлекательная для них мишень.

В каждой групповой дискуссии, которые длились 2 ч 30 мин—3 часа, участвовало по 8—9 респондентов.

Десять фокусированных интервью также были разделены между тремя регионами. Это были интервью с людьми, имеющими высшее образование. С каждым из них хотелось поговорить поподробнее о происходящем. Нашими респондентами стали представители бизнеса, интеллигенция, население, принимавшее и принимающее активное участие в политических процессах, происходящих в республике, начиная от бывшего депутата дудаевского парламента до активных функционеров нынешней администрации и политических институтов.

Количественное исследование

В каждой из волн репрезентативных исследований было опрошено по 1000 человек. В выборке оказалось 75 населенных пунктов, пропорционально представляющих все районы Чеченской Республики. Кроме репрезентативных опросов, для того чтобы почувствовать ситуацию в лагерях беженцев, находящихся в Ингушетии, было проведено 70 интервью в четырех лагерях — «Спутник», «Сацита», «Белла» и «Барт».

Приступая к организации исследования, мы ставили перед собой задачу построить его так, как это делается обычно при проведении опросов в любой мирной стране. Важно было, чтобы чеченская специфика в минимальной мере сказалась на методике, иначе было просто бессмысленно начинать эту работу.

Достаточно подробное описание методик проведения опроса и формирования выборки, которые приведены ниже, обусловлено не только желанием привлечь интерес к опыту проведения репрезентативных опросов в ситуации, далекой от нормальной жизни. Это должно показать читателю надежность и достоверность полученных данных.

Описание выборки

Использованная выборочная процедура может быть определена как случайная, стратифицированная трехступенчатая, с контролируруемыми квотами по полу и возрасту на последней ступени.

На первом этапе была получена статистика о численности каждого из более чем 300 населенных пунктов Чеченской Республики. Единственным доступным и относительно достоверным источником статистической информации являлись данные, имеющиеся в распоряжении районных, городских и сельских администраций. Эти сведения позволяют судить о численности населения как в отдельных населенных пунктах, так и в каждом из районов республики, помогают оценить размер доли городского и сельского населения.

Объем выборки был определен эвристическим путем. Наш опыт показывает, что обычно 1000—1500 единиц наблюдения оказывается достаточно. Кроме того, планируя исследование, мы не знали, сможем ли мы взять большее количество интервью. Так как было принято решение, что на одного интервьюера будет приходиться не более 10 анкет, то за точку опроса была принята цифра 10. Затем был составлен условный, или, как его называют, кумулятивный, список всего населения Чеченской Республики: внутри каждого района все населенные пункты были проранжированы по численности от большей к меньшей.

Для отбора конкретных населенных пунктов и количества респондентов в них использовался метод систематического или механического отбора: мы двигались по условному списку населения с рассчитанным шагом, представлявшим собой частное от численности населения и размера выборки. В каждой точке откладывалось 10 анкет. В выборке оказалось 75 населенных пунктов, при этом в некоторых из них было несколько точек опроса (в Грозном — 17), только 1—2 — в других².

Таким образом, полученная выборка была стратифицирована:

по географическому принципу (представлены все районы с пропорциональной численностью населения);

по типу и численности населения в городах и селах каждого района (количество интервью, приходившихся на отдельные населенные пункты пропорционально численности населения в них).

Отбор населенных пунктов был произведен случайным образом и не был привязан к тем точкам, где нам было бы удобнее работать. Единственным отклонением было небольшое увеличение доли респондентов в малонаселенных южных районах — Шатойском, Шаройском и Итум-Калинском (табл. 1, выделено серым цветом) в целях сохранения представительности этих районов.

Опрос проходил в форме индивидуального интервью по месту жительства респондента. Каждый интервьюер получал квотное задание (контролировались только пол и возраст) на каждые 10 анкет. Для отбора квартир в городе или домов в селе использовалась схема, обеспечивавшая случайность. Описывался маршрут в пределах выделенной территориально-маршрутной зоны. Интервьюер двигался по маршруту, следуя определенному инструкцией шагу. Если ин-

² Пример того, как были выбраны конкретные населенные пункты, см. в приложении.

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

Таблица 1 Структура выборки: распределение точек опроса в соответствии с географическим положением и долей населения в общей численности населения республики (без разбивки на отдельные населенные пункты внутри района)

№ п/п	Район	Абс.	%	на 1000 чел	Точно	Количество точек	
						(10 ч/точка)	
	Сумма	979 633	100,0 %	1000			
1	г. Грозный	164 852	16,8	168,3	168	17	
2	Грозненский	111 291	11,4	113,6	113	12	
3	Гудермесский	108 611	11,1	110,9	111	11	
4	Урус-Мартановский	98 567	10,1	100,6	100	10	
5	Шалинский	85 004	8,7	86,8	87	8	
6	Курчалое вский	68 847	7,0	70,3	70	7	
7	Ачхой-Мартановский	65 369	6,7	66,7	67	7	
8	Надтеречный	51 947	5,3	53,0	53	5	
9	Шелковской	46 714	4,8	47,7	48	5	
10	Наурский	46 707	4,8	47,7	48	5	
11	Ножай-Юртовский	38 964	4,0	39,8	40	4	
12	Веденский	30 029	3,1	30,7	31	3	
13	г Аргун	25153	2,6	25,7	26	3	
14	Сунженский	18 959	1,9	19,4	19	2	
15	Шатойский	12 248	1,3	12,5	12	1	2
16	Итум-Калинский	3 767	0,4	3,8	4	0	2
17	Шаройский	2 604	0,3	2,7	3	0	2

тервьюер оказывался в селе (это было зафиксировано у него в задании), он экспертно разбивал село на два участка, в каждом участке брал по 5 анкет — из одного дома справа и одного дома слева. Ходил он через один дом, в доме опрашивался только один человек. Если в доме проживало несколько человек, подходящих по квоте, то интервью бралось у того, чей день рождения был раньше.

В Грозном маршрут опроса строился в соответствии с административным делением города на 4 района и долей населения в каждом из них. В рамках определенной территориально-маршрутной зоны интервьюер описывал маршрут, по которому он двигался с расчетным шагом. У каждого интервьюера на маршруте было не менее двух улиц. Если это была частная застройка, то маршрут строился по сельскому образцу. Маршрут постоянно разрушался из-за того, что многие кварталы города до основания разбиты, и люди в них почти не живут. Например, в большом многоэтажном доме может быть только несколько «живых» квартир. Тем не менее шаг мог учитывать реальное количество заселенных квартир на маршруте и ширина его зависела от плотности населения в данном квартале. По аналогичной схеме отбирались квартиры и в других городах, если интервьюер попадал в район многоэтажной застройки. В местах одноэтажной застройки интервьюер действовал по «сельскому варианту» — 10 анкет на двух улицах, шаг — через один дом, в доме опрашивался один человек.

Если говорить об опросах в лагерях беженцев, то и здесь мы тоже стремились сохранить по возможности эффект случайности: интервьюер двигался по территории лагеря со строго заданным шагом — через одну палатку, в палатке опрашивался только один человек.

Учитывая ситуацию в республике, обеспечить традиционное трехкратное посещение респондента не представлялось возможным. В большинстве из 75 населенных пунктов, где проходил опрос, он проводился экспедиционным методом, т. е. силами приезжих интервьюеров. Возвращение к недостигнутому респонденту было крайне затруднительно. Интервьюер фиксировал отсутствие респондента в маршрутном листе и шел дальше. В тоже время из-за комендантского часа и безработицы люди рано возвращаются и большую часть времени проводят дома, поэтому застать их было легче, чем это обычно бывает в центральной России, что и было подтверждено рекордно низким количеством отказов: в среднем на 10 анкет — 1,8. (Количество замен и отказов фиксировалось в маршрутной карте интервьюера.)

Конечно, для последовательного обеспечения случайности было бы предпочтительнее и на последней ступени отбора (выбор респондента в семье) использовать случайный метод. Однако мы вынужденно приняли решение работать по квотам. Опасение, что из-за смещений случайного отбора мы можем лишиться представительства какой-либо из социально-демографических групп, определило это решение. Так как отсутствует статистическая информация о половозрастной структуре населения Чечни, мы создали рабочие квоты, рассчитанные на основе предположения, что каждый год рождалось равное число людей. В соответствии с этим предположением были рассчитаны условные квоты по полу и возрасту опрашиваемых (табл. 2). В дальнейшем, получив в ходе исследования более точное представление о структуре населения, мы могли корректировать данные.

Подготовка интервьюеров

Отдельно опишем, каким образом набирался и готовился штат интервьюеров. Очевидно, что в условиях фактического отсутствия практики социологических опросов в этом регионе подготовленных интервьюеров просто не было. Будущие интервьюеры рекрутировались в разных населенных пунктах исходя из необходимости, заданной выборкой. По относительно небольшой территории Чечни передвигаться трудно, а порой и просто опасно. В некоторых районах, по мнению экспертов, опросы может проводить только житель этого района или выходец из него. На севере Чечни обстановка гораздо спокойнее, но и там у чужого человека могут возникнуть сложности.

Основная проблема для организации исследований — полное отсутствие телефонизации и соответственно невозможность контактировать с супервайзерами и интервьюерами. Пришлось использовать старые испытанные методы с учетом чеченской специфики — вызывать людей для интервью через знакомых, родственников, случайных людей. Показательно, что люди относились к нашим просьбам очень внимательно, не было ни одного случая, чтобы информация не была передана.

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

Таблица 2 Половозрастное распределение

Всего		Пол				Возраст					
						18-29		30-49		50 и более	
Абс.	%		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
1000	100	Муж.	450	45	112	11,2	189	18,9	149	14,9	
		Жен.	550	55	138	13,8	231	23,1	181	18,1	

В качестве интервьюеров привлекали учителей местных школ и студентов-гуманитариев университета, которые были родом из соответствующих районов. Каждый интервьюер прошел подробный однодневный инструктаж и допускался к работе только после пробного анкетирования. Каждому интервьюеру бала дана специально подготовленная памятка по методике опроса и реализации последней ступени выборки. На интервьюера приходилось по 10 анкет, и только в Грозном задание иногда было увеличено до 20 анкет. В каждом из двух опросов принимало участие более 70 интервьюеров. Подавляющее большинство из них работали добросовестно.

Инструментарий исследования

При разработке анкет учитывались следующие моменты:

а) крайняя неопытность интервьюеров, что изначально задавало формат простой и короткой анкеты;

б) неясность реакции респондентов на сам факт опроса и на достаточно острые вопросы. Конструкция короткой анкеты должна была включить в себя буферные вопросы, вопросы о фактах и уж затем вопросы о мнениях.

Все это определило следующую содержательную структуру анкет. Анкета начиналась с вопроса о том, какое настроение у респондента было в последние дни. Затем в анкете первой волны шел блок вопросов о том, в какие СМИ респонденты обращались за последнее время (во второй анкете этот блок отсутствовал). Мы исходили из того, что людям легко рассказывать о том, какие газеты они читали или не читали, какие каналы телевидения смотрят и какие радиостанции слушают. В то же время ответы на эти вопросы способствовали созданию определенного контакта между интервьюером и респондентом. У этих вопросов была не только буферная роль: ведь средства массовой информации — это фактор, который мог повлиять на оценку ситуации.

Затем стоял блок вопросов, посвященный информированности о референдуме и намерениях по поводу участия в нем. Далее следовали вопросы о причинах участия или неучастия в референдуме. В целях избежания подсказок и смешения результатов вопросы были открытыми.

После этого спрашивали, знают ли люди, какие вопросы или какие документы выносятся на референдум. Интересовало нас и то, как люди будут реагировать, как они будут голосовать по всем трем документам, а также мнение опрашиваемых о том, будут ли активно участвовать в референдуме другие. В рамках исследования важным был вопрос: лично вы держали в руках, просматривали, читали какие-то документы, выносимые на референдум?

Далее шла серия вопросов об общей оценке ситуации: как оценивается общая ситуация — улучшается она или ухудшается, что нужно сделать в первую очередь для ее изменения (открытый вопрос).

Наконец, задавались вопросы: «Если бы на предстоящем референдуме вопрос звучал так: "Чечня должна быть в составе России или нет?", то как бы вы на него ответили?», «Кому из чеченских и московских политиков вы доверяете?». Вопрос о политиках был открытым, чтобы не загонять людей в шкалу, и рассматривался не просто как рейтинг доверия политикам, а как фактор, который может повлиять на отношение к ситуации в целом.

Вообще, в анкете было достаточно много открытых вопросов и сделано это было не только потому, что у нас не было вариантов закрытия. Именно открытые вопросы создают уверенность, что вольно или невольно исследователь не влияет на возможные результаты, задавая шкалу или предлагая меню.

Последним стоял вопрос о возрасте членов семьи респондента — сначала всех мужчин, затем всех женщин. Ответы респондентов должны были позволить нам получить информацию о половозрастной структуре населения, численности и составе семьи.

Вторая анкета была еще короче. В ней не было блока о СМИ, но задавался вопрос, насколько устойчивы взгляды людей по поводу их решения участвовать или не участвовать в референдуме. Также был задан вопрос, знают ли опрашиваемые, где находится избирательный участок.

Инструментарий исследования готовился с расчетом, чтобы интервью продолжалось не более 15—20 минут.

Достоверность полученных результатов

Информационная ценность исследования определяется, главным образом, качеством выборки, уровнем подготовки интервьюеров, правильностью составления вопросника и адекватностью восприятия вопросов анкеты респондентами.

Последовательность и содержание задаваемых вопросов способны существенно повлиять на результаты исследования. Примером типичных ошибок при конструировании выборки и вопросника является опрос, который примерно в тот же период провели сотрудники «Мемориала». Результаты этого опроса получили широкое распространение в отечественных и зарубежных СМИ³.

Несомненно, что на результаты исследования, проведенного «Мемориалом» (противоречащие полученным нами данным и, как показала практика, реальной ситуации), оказал влияние именно метод сбора данных и способ построения анкеты, которая не оставляет возможности для получения объективной информации. Последовательность и контекст вопросов фактически задают ответы на них, что хорошо видно из приведенного ниже фрагмента анкеты:

³ Подробно с материалами опроса можно познакомиться на сайте «Мемориала» (www.memo.ru).

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

Как вы думаете, существуют ли в Чеченской Республике условия, необходимые для свободного волеизъявления населения?

Да, существуют.

Нет, не существуют.

Затрудняюсь ответить.

Если нет, то почему? (*можно отметить несколько ответов*).

В ЧР существуют ограничения в передвижении местных жителей.

Граждане ЧР не имеют гарантий личной безопасности.

Граждане ЧР не имеют возможности свободно собираться для обсуждения своих проблем.

Граждане ЧР не имеют возможности свободно выражать свое мнение.

На граждан ЧР оказывается давление со стороны властей.

Граждане ЧР не могут контролировать ход подсчета голосов.

Нет полной информации о референдуме и предлагаемом проекте конституции.

Другое (*написать*).

Примете ли вы участие в референдуме?

Да, приму.

Нет, не приму.

Я еще не решил.

Если добавить, что, кроме этого, у респондента интересовались, признают ли результаты референдума боевики, будут ли следовать принятой конституции ФСБ и «силовики», то становится очевидным, что реакции респондентов будут смещены в совершенно определенную сторону. Полученная в исследовании «Мемориала» итоговая цифра: «12 % примут участие в референдуме» — отражение метода, а не общественной атмосферы в Чечне.

Важная тема для исследований в Чеченской Республике — адекватность восприятия вопросов и вообще опроса респондентами. Можно слышать утверждение, что запуганное войной и террором население, с недоверием относящееся ко всякому чужому человеку, будет отвечать неискренне, что сведет на нет усилия даже добросовестного исследователя. Наш опыт убеждает в обратном.

Во-первых, люди устали бояться. Безусловно, у какой-то части респондентов могло возникнуть предположение, что интервьюер (незнакомый человек) имеет какое-то отношение к ФСБ, местной администрации или является агитатором (накануне референдума такое предположение было вполне разумным). Но представление интервьюера, информационное письмо за подписью ректора ЧГУ, которое у каждого было с собой, статус интервьюера (учитель или студент), наконец, сам характер вопросов, на которые можно было высказать любую точку зрения, в большинстве случаев снимали опасения.

Во-вторых, в течение десятков лет народ Чечни не имел возможности выразить свою точку зрения, а желание такое было. Психологически это напоминает ситуацию с первыми перестроечными опросами, которые проводились в середине 1980-х годов: «Неужели наша точка зрения кому-то интересна?». Чеченское общество крайне политизировано, и, если проблемы, которые выносятся на исследование, актуальны для общественного сознания, люди с удовольствием размышляют на эти темы.

В-третьих, доказательством адекватности реакции респондентов на вопросы анкеты является статистическая устойчивость данных, которые мы получили в двух волнах опросов: совпали ответы не только на вопросы о фактах, но и на вопросы о мнениях. На фокус-группах и интервью респонденты также были открыты, если были уверены в непредвзятости исследователей. Можно предположить, что в чеченских исследованиях будут темы, где люди действительно могут задавать систематические смещения. Это вопросы о персоналиях — лидерах, которых поддерживает общество. Некоторые из известных чеченских деятелей доказали, что они могут быть мстительными и реально опасными для рядового человека. Именно поэтому, задавая открытые вопросы о степени доверия отдельным чеченским деятелям, мы нигде не опубликовали полученных результатов, а использовали полученную информацию, рассматривая рейтинги доверия политикам как фактор, который может повлиять на отношение людей к ключевым проблемам развития республики.

На адекватности восприятия вопросов гипотетически мог сказаться язык, на котором проводились интервью. Известно, что, несмотря на годы войны, почти все чеченское население свободно говорит по-русски. Мы проводили интервью на русском языке. Беседы с интервьюерами после опроса показали, что порой им приходилось (чаще в отдаленных сельских населенных пунктах) переходить на чеченский язык. Очевидно, что в последующих опросах каждый интервьюер будет иметь чеченский вариант анкеты, чтобы проводить интервью на языке, более удобном респонденту. Тем не менее, по свидетельству интервьюеров и на основе опыта, полученного во время проведения фокус-групп и интервью, можно утверждать, что русский язык чеченских опросов не делает в глазах участников само исследование «московским». Русский язык — традиционный для Чечни язык науки и информации.

Продолжая тему достоверности данных, следует отметить, что, начиная исследование, мы ничего не знали о демографической структуре населения Чеченской Республики, потому что такая статистика сейчас отсутствует. Во время подготовки исследования результаты переписи еще не были опубликованы. К сожалению, вряд ли стоит рассчитывать на достоверность переписи населения 2002 г. По всеобщему убеждению, ее данные были фальсифицированы чиновниками местной администрации, стремившимися искусственно увеличить численность населения, чтобы получать дотации федерального центра.

Поэтому в конце интервью респондентов просили перечислить всех взрослых членов семьи с указанием их пола и возраста. Цель этих вопросов заключалась в получении информации о демографической структуре населения республики, что открывало возможность для косвенной оценки репрезентативности выборки и ее корректировки.

В соответствии с заданными условными квотами был опрошен один человек в семье, но при этом были собраны данные о всей семье. Получилось, что по первой волне это 3514 чел., а по второй волне — 3979 чел. В сумме была получена информация о 7500 тысячах взрослых жителей Чечни. Поскольку были зафиксированы пол и возраст каждого члена семьи, мы смогли определить степень устойчивости выборки, которая, как видно из нижеприведенной таблицы, чрезвычайно высока. Повторяемость данных является убедительным доказательством надежности выборки и измерения в целом. На наш взгляд, успех

Таблица 3 **Половозрастное распределение взрослых членов семей, опрошенных в ходе 1-й и 2-й волн**

1-я волна	Всего		Мужчины		Женщины	
	Числ.	%	числ.	%	числ.	%
18-29	1336	38,0	648	18,4	688	19,6
30-49	1286	36,6	598	17,0	688	19,6
50 и старше	892	25,4	433	12,3	459	13,1
Всего	3514	100,0	1679	47,8	1835	52,2
2-я волна						
18-29	1534	38,6	733	18,4	801	20,1
30-49	1472	37,0	690	17,3	782	19,7
50 и старше	973	24,5	469	11,8	504	12,7
Всего	3979	100,0	1892	47,%	2087	52,5

выборки (вероятность случайного совпадения ничтожно мала) объясняется ее очень большим рассеянием по республике. В целом есть все основания полагать, что, повторяя и расширяя блок демографических вопросов, например, включив вопросы о детях, в последующих репрезентативных опросах можно получить гораздо более надежные данные о структуре населения, чем из официальной статистики.

Это позволило нам при обработке и представлении результатов опросов уйти от заданных изначально условных квот, проведя ремонт выборки. Данные были пересчитаны на основе полученного половозрастного распределения населения, что очевидным образом существенно повышает надежность измерения⁴.

Некоторые результаты исследований

Вопрос о том, быть или не быть Чечне в составе России, является основополагающим для общественного сознания в республике. От ответа на него зависит будущее чеченского общества, реакция населения на любые события внутри республики и вне ее. Сквозь призму этого вопроса люди оценивают действия федеральных властей, местной администрации, сил сопротивления, международного сообщества.

За последние 12 лет Россия много сделала для того, чтобы убедить народ Чечни в необходимости жить самостоятельно. Да и само общественное мнение россиян морально готово к тому, чтобы Чечня отделилась, «лишь бы не было войны». В российском обществе преобладает мнение, что большинство чеченцев — сепаратисты. Похоже, что и политика правительства России в Чечне до последнего времени исходила из этого предположения. Исследования общественного мнения в Чеченской Республике позволяют по-новому взглянуть на

⁴ Ниже все полученные данные приведены в пересчете в соответствии с полученной структурой населения.

происходящие в Чечне процессы, строить политику не на основе интуиции, а на основе информации.

Представления о статусе Чечни

Полученные в двух исследованиях данные убедительно доказывают, что восприятие народа Чечни как преимущественно склонного к сепаратизму неверно. В качественном и в количественном исследованиях задавался вопрос, о котором сами чеченцы и их общественные организации мечтали с начала 1990-х годов, когда планировалось проведение референдума о статусе республики: «Если бы на референдуме вопрос звучал так: "Чечня должна быть в составе России или нет?", что бы вы ответили?»⁵. Сегодня почти 66 % жителей Чечни по тем или иным причинам связывают будущее своей республики с Россией.

Наибольшее число сторонников нахождения Чечни в России (71 %) — среди старшей возрастной группы, наименьшее (61 %) — среди молодежи. Среди людей с высшим образованием число сторонников составляет 72 %, без образования — 57 %. В южных районах к этой группе относится только 53 %, а в лагерях беженцев — 40 % опрошенных.

В среднем по республике сторонниками суверенитета назвали себя 23 % населения. Несколько больше таковых в южном регионе (31 %) и в г. Грозном (30 %), в молодежной группе (29 %), среди лиц с низким образованием (29 %). В лагерях беженцев к этой категории относится более трети опрошенных (37 %).

Осмысление того факта, что большая часть населения республики готова жить с Россией, быть в ее составе вне зависимости от того, что это означает «трагическую неизбежность или разумную необходимость» [Бабицкий 2003], совершенно переворачивает сложившееся представление о Чечне. С нашей точки зрения, полученные результаты должны привести к принципиальному изменению государственной политики, проводимой в отношении Чечни, в корне изменить восприятие Чечни Россией, международными организациями и мировым сообществом в целом.

Что же руководит людьми, которые видят будущее республики в составе России, кто эти люди? Анализ данных опросов, фокус-групповых дискуссий и глубинных интервью позволяет выделить и описать основные группы сторонников нахождения Чечни в составе России.

Во-первых, это люди старшего возраста, традиционно советские по мировосприятию. Они хотят спокойной жизни, гарантированного заработка и т. д. Порой они имеют единственный источник дохода для своих семей в виде достаточно регулярно выплачиваемых пенсий и пособий. Для этой категории характерно восприятие Чечни в составе России как исторической и географической неизбежности, усиливающейся воспоминаниями об относительно «благословенных советских временах».

⁵ В первом опросе вопрос о статусе Чечни по отношению к России стоял в самом конце анкеты, а во втором опросе — в середине анкеты для того, чтобы проверить, насколько эти данные устойчивы.

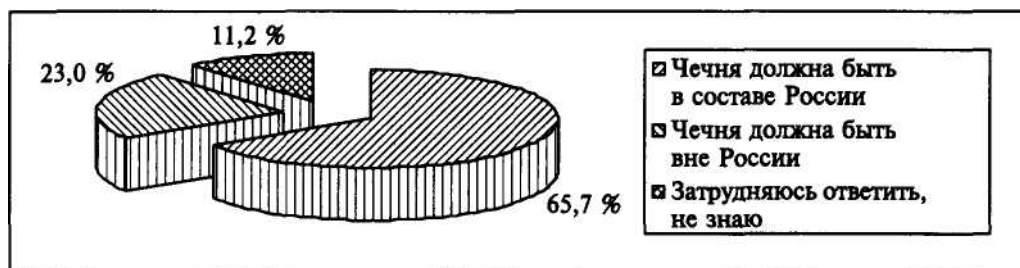

Рис. 1 Если бы на предстоящем референдуме вопрос звучал так: «Должна Чечня быть в составе России или нет?», то как бы вы на него ответили сегодня?

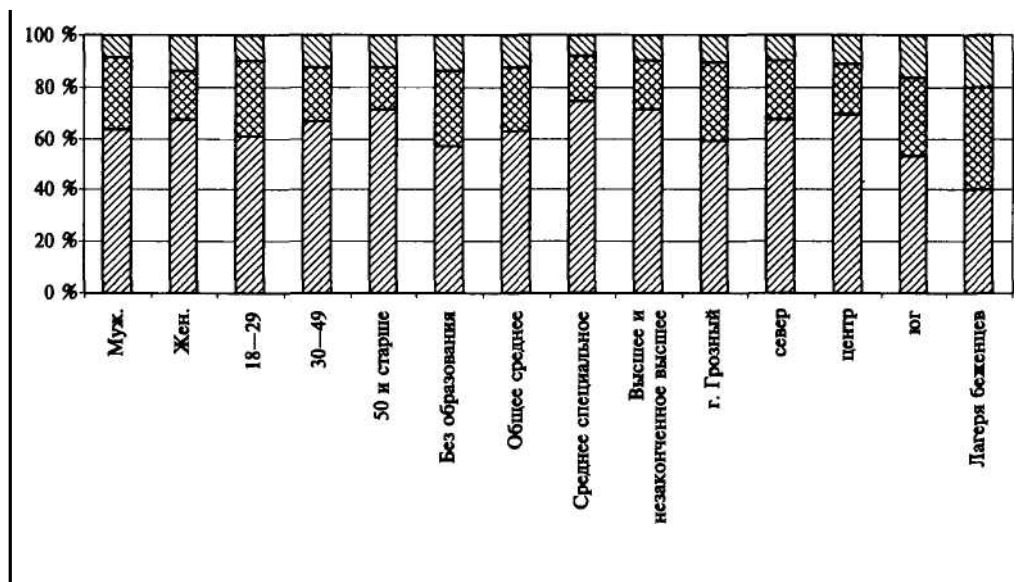

Рис. 2 Распределение ответов на вопрос о статусе Чечни по основным социально-демографическим группам населения Чечни

Максимально нужно восстанавливать прежние дружеские отношения, добрую атмосферу. Москва и для чеченца должна быть его столицей. Ничего чеченец не хочет того, чего не захотел бы русский (из интервью с мужчиной, занимающимся мелким бизнесом).

В советские времена в республике люди хорошо жили. Если вокруг нас везде Россия, то объявить свою независимость невозможно. Нам легче остаться где-то между автономной республикой, сохраняя партнерские отношения с Россией и другими странами (фокус-группа, Центральный р-н).

Во-вторых, это люди, которые разочаровались в Ичкерии. Для этой категории населения вывод о невозможности в настоящий момент отделения от России является реакцией на неиспользованные в годы правления Масхадова возможности, вынужденная мера в ответ на крайнюю разруху народного хозяйства Чечни. В Чечне, по мнению этой части жителей, неоднократно высказываемо-

му в интервью, «была самая настоящая независимость». Период с 1996 до 2000 г. не был использован для действительного становления суверенитета. Голосуя за Масхадова, голосовали, безусловно, за развитие самостоятельного, независимого государства, но голосовали и за человека, который договорится с Россией. Респонденты считают, что Масхадов не добился ни повышения уровня жизни людей, ни повышения безопасности.

У меня произошла трансформация взглядов на независимость. Сегодня я бы не хотел независимости Чечни, хотя раньше я спорил об этом до посинения. Чеченцы не смогли организовать, не было сил, чтобы победить подонков, которых поддерживала Москва (интервью с мужчиной, бывшим членом парламента Ичкерии).

Прежде чем объявлять суверенитет или независимость, надо сначала поднять экономику, благосостояние людей, научиться общаться с другими мирами, с другими людьми умно и грамотно, по-партнерски (фокус-группа, Центральный р-н).

Мы все думали, что Масхадов — это великолепный выбор. Ведь 3 года он имел фактически независимую республику, и Россия ему помогала. Но ведь он ничего не сделал, не воспользовался этим моментом, наоборот, началась кража людей. Все развалили, разрушили, во-вторых, это вторжение в Дагестан. Он не знал республики, он военный человек. Но когда это случилось, у него даже не хватило мужества откеститься от этого, сказать, что это не чеченский народ, это бандиты (из интервью с мужчиной, одним из лидеров «Единой России» в Чечне).

Мы еще не готовы к независимости. У нас была свобода, наше правительство просто не справилось с тем, что ему дали (фокус-группа, студенты).

И наконец, есть категория сторонников единства с Россией «от горя»: все разрушено, ничего нет, сами мы ничего не можем и только Россия, может быть, нам поможет, больше мы никому не нужны.

Мы все знаем, что ненависть есть, но от обратного. Мы сегодня без России не поднимемся, мы не восстановимся, нам понадобится бог знает сколько лет (из интервью с мужчиной преподавателем).

Без помощи России Чечня не сможет существовать. Географическое положение не позволит, да и элементарного гвоздя мы сейчас сами сделать не можем (групповое интервью, ст. Шелковская).

В лагерях беженцев всего 39 % относятся к сторонникам нахождения республики в составе России: ведь лагерь — это совершенно особое территориальное и нравственно-психологическое образование. Кроме действительного отсутствия крова, безработицы, ощущения личной опасности, здесь еще «больничный синдром»: после долгого нахождения в больнице человек боится выписываться из нее. Люди совершенно деморализованы от того, что находятся длительное время в подобных условиях. Трудно сказать, какие сегменты чеченского общества преобладают в лагерях — только ли потерявшие жилье или еще психологически самые слабые, или имеющие основания опасаться возвращения в родные места. Фактором против воссоединения является и то, что именно в лагерях чаще, чем на территории Чечни, можно обнаружить сепаратистскую литературу, ичкерийские газеты. Здесь с беженцами чаще встречаются представители правозащитных и гуманитарных организаций, журналисты. Здесь как раз многих «опрашивали».

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

Центробежные силы далеко не ограничиваются беженцами, имея под собой очевидную и значимую социальную базу. Почти каждый четвертый житель республики считает, что Чечне нужно быть независимой и развиваться отдельно от России. Пренебрегать этим фактом ни в коем случае нельзя. Социальная и идеологическая база сепаратизма должна подробно и глубоко изучаться.

Основываясь прежде всего на материалах качественного исследования, можно заключить, что в понятие «независимость» для жителей Чечни включены три основные идеи.

Первая основывается на представлении о том, что чеченский народ недооценен и обижаем Россией. Чеченцы — большой и многочисленный народ, шестой народ по численности населения в России после русских, украинцев, татар, чувашей и мордвы, а если иметь в виду государствообразующие народы, то они — четвертый по численности народ. И это прекрасно осознается большинством. Идея независимости связана с представлением: мы — такой большой, древний, сильный и смелый народ, а Россия нас не оценила, Россия нас обижала, обижает и не собирается прекращать это делать.

Мы — самый крупный этнос на Кавказе, мы — четвертая по численности национальность в России. А вы видели сейчас хоть одного чеченца в правительстве? Кто сейчас в России знает, что чеченцы бок о бок всегда сражались рядом с русскими? Мы были самыми храбрыми бойцами; при Николае II Дикой дивизии были одни чеченцы. Во время войны не было предателей среди чеченцев. Про это вообще никто не говорит (из интервью с мужчиной-предпринимателем).

Чеченский народ — это древняя нация, а с рассуждением, что она малочисленная и поэтому не имеет права на свою собственную организацию, мы категорически не согласны. В 4 в. до н. э. греческая нация составляла 500 тыс. человек, все равно они смогли стать выдающимися. Это значит, что у нас должен быть свой статус республики, свой законно выбранный президент, которого никто не в праве снять или поменять (фокус-группа, студенты).

Чеченцев преследует вся необъятная Россия. Россия сделала так, что чеченцев преследуют по всему миру. Надо прекратить эти гонения (из интервью с мужчиной учителем).

Для Чечни по-прежнему является актуальным вопрос официального извинения со стороны государства за депортацию 1944 г. В сознании опрошенных депортация связывается не со сталинским режимом, а с политикой России. Чеченцы — единственные, кто не получил компенсацию за депортацию. Мало кто помнит, что могли бы получить: Дудаев отказался в свое время, но и поныне этот вопрос остается болезненным.

Меня очень задевает прошлое моего народа. Нам дали понять, что мы прощены, но не реабилитированы, что мы один раз уже были высланы и можем опять загреметь в Сибирь (из интервью с мужчиной торговцем).

Мы — единственный репрессированный народ, кстати, самый большой, которому так и не выплатили ни копейки (из интервью с женщиной преподавателем).

Вторая идея, на которой базируется стремление к независимости, связана с желанием самостоятельно распоряжаться богатствами республики.

Нам Аллах послал чудесную землю с замечательными полезными ископаемыми, а мы никогда ими не распорядились. Всегда раньше первый секретарь был

русский и только второй или третий— чеченец (фокус-группа, Горный р-н).

За нас пытаются все решать, использовать то, что у нас есть — нефть, землю, и обижать и не уважать нас как людей (фокус-группа, Центральный р-н). Теперь, по словам чеченцев, Чечней управляют вахтовым методом, как нефтяными месторождениями. Центром часто назначаются руководители, которым глубоко безразлична Чечня и ее будущее.

Приезжают на три месяца как омовцы: первый месяц вникают, потом начинают активно хватать, все что смогут, потом месяц пьют и уезжают. Так же вообще ничего наладить нельзя, только разорить и ограбить. Если хотят тут сделать полигон для армии, так бы честно и заявили и не прикрывались словами, что хотят здесь что-то восстановить, только деньги списывают миллионами (из интервью с мужчиной преподавателем).

Третья идея, связанная с независимостью, наиболее, с нашей точки зрения, серьезная, трудно преодолимая и требующая специального изучения. Она основывается на представлении о несоответствии современного европейского устройства общества, и в частности законодательства, чеченской культуре, обычаям и нравам традиционного чеченского общества. На материале нашего исследования не представляется возможным оценить, насколько сильны в республике национальные традиции и кто является их носителями. Необходимо в дальнейшем изучать, насколько глубоки национальные традиции, их социальную базу, и находить наиболее острые точки такого рода расхождений. Возможно, что в результате 12 лет военных действий ценность традиционного уклада жизни во многом усилились по сравнению с довоенным периодом чеченской истории, так как известно, что культивирование традиций является наиболее эффективным способом сохранения национальной идентичности, особенно в условиях противостояния.

В российской конституции совершенно не учитывается менталитет чеченцев: тейпов нет в конституции, но все равно все решают старейшины, что вы там не напишите (фокус-группа, Притеречный р-н).

Мне вот вообще этот паспорт не нужен. Меня все знают в селе. Поеду если в другой, там меня тоже не по паспорту встречать будут: спросят кто я, кто мой отец, это главное (фокус-группа, Горный р-н).

Есть еще один пункт, который тоже связан, казалось бы парадоксально, с идеей независимости. Это преодоление изоляционизма. Молодежь хочет вырваться, она не может перемещаться, не может общаться, взрослые люди не могут выезжать на заработки. И в этих условиях, когда люди страдают от того, что оказались в замкнутом пространстве, им кажется, что надо стать государством, и тогда они смогут нормально пересекать границы.

Мы отрезаны от жизни, ничего не знаем, а хотели бы. У нас нет никакой связи с внешним миром, нет Интернета, мобильной связи. Я владею английским, и у меня есть друзья в Праге и Англии, и совсем нет возможности поддерживать с ними связь. Если мы станем отдельным государством, я спокойно буду приезжать как украинец, как белорус, как казах, как грузин, в конце концов, но я буду себя уважать (фокус-группа, студенты).

В целом наиболее ярким носителем идеи независимости является молодежь. Вместе с тем есть все основания полагать, что центробежные силы у молодежи

будут уступать центристским, как только молодые люди почувствуют возможность преодоления изоляционизма, в котором они оказались. Подчеркнутое уважение к национальным традициям, истории, языку с одновременным включением в орбиту современной цивилизации (спорт, компьютеры, Интернет, выезды за пределы Чечни) способны изменить настрой молодых людей.

Общая оценка ситуации в республике

Большая часть населения (53 % в опросе 14—16 марта и 46,4 % в опросе 3—7 марта) оценивает нынешнюю ситуацию в Чеченской Республике как «без перемен». Эйфория первой декады марта, вызванная активным вниманием всей страны к Чечне и конкретными, но ситуативными действиями властей, прошла, уступив место более взвешенным и трезвым оценкам.

Об ухудшении положения в республике устойчиво свидетельствуют 11 % опрошенных. Заметим, что в горных районах доля этой группы сократилась между двумя волнами опроса с 19% до 12%. Совершенно выпадают из общей картины лагеря беженцев, где об ухудшении говорят четверть опрошенных (25 %).

Почти каждый третий из опрошенных считает, что ситуация в Чечне меняется к лучшему. (В первой декаде марта эта цифра составляла 39 % , во второй снизилась до 34 %.) В меньшей мере это ощущает молодежь (27 %), в большей мере осознает та часть населения, которая имеет более высокое образование (41 %). В лагерях беженцев об улучшении говорит каждый пятый (20 %).

Оценка существующего положения в Чеченской Республике населением такова: «ни войны, ни мира». Усилия федеральной власти по нормализации положения в Чечне безусловно замечены населением, но расцениваются как явно недостаточные для нормализации жизни в республике.

Треть опрошенных (35 %) заметили реальные шаги федеральной власти. На вопрос «Что именно уже делает федеральная власть для нормализации положения в республике?» получены следующие спонтанные (без подсказок) ответы (вопрос задавался в ходе 1-й волны исследования):

- выплачивает пенсии, уделяет внимание пенсионерам (37 %);
- выплачивает пособия (по безработице, на детей, стипендии и т. д.) (36 %);
- выплачивает зарплату (22 %);
- убирает блокпосты (20 %)
- восстанавливает жилье (13 %);
- оглашает планы и реально выводит войска (12 %);
- способствует проведению референдума и свободных выборов (9 %);
- восстанавливает государственные объекты (7 %);
- восстанавливает учебные заведения, уделяет внимание проблемам образования (5 %);
- задерживает боевиков (3 %);
- сокращает число зачисток (3 %) и т. д.

Видно, что чеченское общество динамично отреагировало как на реальные шаги, так и на «заявления о намерениях», прозвучавших в феврале—марте 2003 г., в период подготовки к референдуму. Люди позитивно отреагировали и на час-

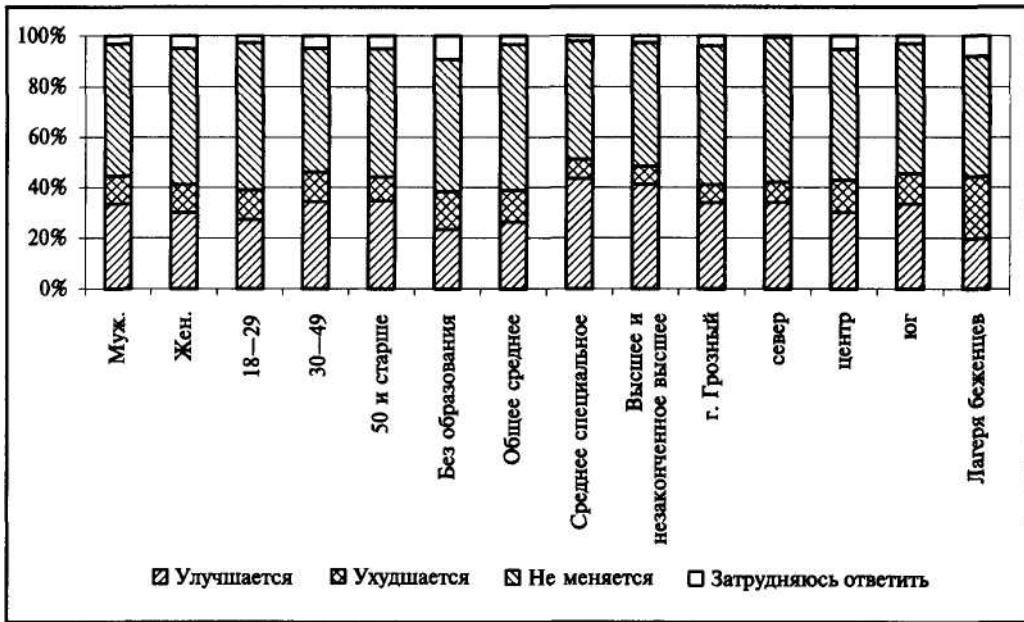

Рис.3 **Распределение ответов на вопрос: «Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию в Чеченской Республике: она улучшается, ухудшается или не меняется?»**

тичное снятие блокпостов, и на изменения в деле Буданова, и на заявление о прямых компенсациях за разрушенное жилье. На общем восприятии ситуации в республике позитивно сказалось прямое обращение к чеченскому народу президента России.

В то же время население не считает войну законченной, основными сигналами которой являются руины разрушенных городов, комендантский час, невозможность свободного перемещения, всевластие вооруженных людей.

Разруха очень угнетает: вы же видели город, страшно вокруг смотреть (из интервью с мужчиной врачом).

Мы работаем в Красном Кресте, много передвигаемся по республике. Вот на блокпосту стоит военный, мы ему показываем документы, которые Бабиц подписал, маршрутные листы, согласно которым мы имеем право передвигаться, а часовой говорит: «Да пошел он, Бабиц, кто он такой?». Эти люди в военной форме, при оружии и делают, что хотят (фокус-группа, Центральный р-н).

Очень трудно, если кто-то заболевает, вызвать скорую помощь, поехать в больницу. Кругом блокпосты стоят. Ночью ездить нельзя, (из интервью с женщиной, бывшим членом парламента Ичкерии, ныне торговцем).

Очень большие проблемы с передвижением. Я езжу из села, через каждые 500 м останавливают, проверяют (фокус-группа, студенты).

Исчезают ребята бесследно. Мы обращаемся к коменданту: где он, по какой причине задержан, но никто не знает, кто забрал и за что. Это бывает ежедневно (фокус-группа, Центральный р-н).

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

В 2—3 ч ночи группа неизвестных лиц без опознавательных знаков врываются в тот или иной подъезд и начинают его вычищать. Всех не вычищают сейчас, вот мы и сидим, авось сегодня пронесет (фокус-группа, студенты).

Пока мины взрываются, пока мы переживаем за своих близких, я не могу сказать и никто не может, что война закончилась (фокус-группа, Горный р-н).

Поэтому главные ожидания людей в отношении действий федеральной власти по нормализации жизни в республике в первую очередь связаны с прекращением войны и обеспечением личной безопасности, а уже во вторую очередь — с восстановлением социальной сферы.

Нам не до света, нам не до газа, даже не до работы, не до чего, не до образования. Главная проблема: я должен быть уверен, что завтра меня не пришьют» (фокус-группа Северный р-н).

Ниже приведено распределение ответов на вопрос о том, что, по мнению населения, должна сделать федеральная власть для нормализации положения в республике (1-я волна опроса, открытый вопрос):

- вывести войска (28 %);
- создать рабочие места (22 %);
- прекратить зачистки, аресты и похищения невинных людей; вернуть незаконно задержанных (21 %);
- восстановить законность на территории Чечни (21 %);
- закончить войну, установить мир (15 %);
- убрать, сократить блокпосты; прекратить поборы (14 %);
- восстановить жилье (14 %);
- восстановить экономику Чечни (14 %);
- соблюдать права человека; люди должны знать, за что и куда их уводят, какие обвинения им предъявляют (10 %)
- выплатить компенсацию за моральный и материальный ущерб (8 %);
- передать управление республикой чеченцам (8 %);
- обеспечить личную безопасность граждан (7 %);
- вывести войска из населенных пунктов в места постоянной дислокации (7 %);
- своевременно выплачивать зарплату (6 %);
- восстановить инфраструктуру (провести свет и газ, сделать дороги, вывозить мусор) (6 %);
- выловить всех бандитов; защищать население от боевиков; разоружить бандформирования (6 %);
- добиться доверия местного населения; заботиться о людях (6 %);
- защищать население от федеральных сил (5 %);
- позапный вывод войск (5 %);
- выплачивать пособия; оказывать гуманитарную помощь (4 %);
- выплачивать пенсии, заботиться о старых людях (4 %);
- восстановить бесплатное здравоохранение; улучшить медицинское обслуживание (4 %);
- передать решение вопросов охраны и порядка чеченской милиции (4 %);
- провести свободный референдум; свободные выборы парламента (4 %);
- обеспечить финансирование республики (3 %);
- иметь достойных главу администрации Чеченской Республики и правительство (3 %);

принять меры для возвращения беженцев (3 %);
прекратить отмывание денег, воровство (3 %).

Общественное мнение об основных проблемах чеченского общества

Главной проблемой населения Чеченской Республики остается проблема личной безопасности. Население все еще испытывает постоянный страх за свою жизнь и жизнь своих близких.

Сегодня человеческая жизнь в Чечне ничего не стоит. Ради дела уложит пару десятков человеческих жизней ничего не стоит (из интервью с мужчиной преподавателем вуза).

Очень растет преступность. И среди солдат, и среди чеченцев (из интервью с мужчиной руководителем строительной организации).

Основная проблема — постоянное ожидание, что тебя заберут, убьют. Ожидание снарядов, выстрелов, даже просто случайных обстрелов. Обстрел начинают, когда хотят, снаряды попадают, куда угодно, это постоянный риск. И постоянное ожидание днем и ночью, что твоего сына или тебя заберут. Люди говорят, что пусть бы Россия ничем не помогала, лишь бы не было этого страха (из интервью с мужчиной торговцем).

Днем выходишь из дома и не знаешь, вернешься ли вечером домой (из интервью с мужчиной, завкафедрой ЧГУ).

Особенно боимся за сына — приходится его везде сопровождать, по дороге его могут забрать, хотя и все документы всегда с собой носим, но могут к чему-нибудь придраться, если захотят (из интервью с мужчиной-врачом).

Сейчас мы оказались менее защищенными, чем при Масхадове, потому что тогда хоть оружие было. Я знал, и люди знали, что у меня есть граната и пистолет, а сейчас ничего нет. А блокпосты никого ни от кого не защищают, от них бы самих защититься (из интервью с мужчиной преподавателем).

Наш университет абсолютно не защищен, сюда могут прийти и федералы, и террористы и угрожать нашим студентам, преподавателям (фокус-группа, студенты).

Ощущение незащищенности усугубляется нарушением гражданских прав и свобод граждан, в том числе права на представление официального обвинения при арестах во время зачисток и отсутствием информации о местах содержания заключенных

Я до сих пор не могу понять: если арестовали человека, то почему нельзя сказать, где он находится и почему его арестовали? Например, здесь через дорогу находится поселок Старая Сунжа. Туда рано утром влетели какие-то военные, забрали отца и сына. Оба они работают в Министерстве финансов. Отец работает заместителем начальника отдела министерства. Сугубо мирные люди, никогда ни в чем не принимали участия. Где они, никто не знает. Прокурор республики на вопросы об их судьбе огрызается и говорит, что ничего не знает (из интервью с мужчиной преподавателем).

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

Главный источник опасности мирное население видит в людях в военной форме, прежде всего в солдатах федеральных войск. Фактически в восприятии населения происходит сращивание образа бандита и федерала-контрактника. Население убеждено, что армия не только не защищает мирное население, а наоборот, является постоянной угрозой для жизни и имущества жителей Чечни.

Воры и грабители — это как раз армия. Недавно ночью убили милиционера. Забрали автомат. Ночью, как правило, шатаются только федералы. Все говорят, что это, скорее всего, российские солдаты, но доказать мы ничем не можем (из интервью с женщиной торговцем).

Похищения людей, убийства, пытки — это на 95 % федералы. Они же на БТРах ездят, на вертолетах летают. Какой боевик полетит на вертолете, откуда у них БТРы? Не понятно, как Ястржембский говорит, что у нас люди — оборотни, передеваются в федералов. Как это оборотни в бронетанковых батареях? Люди просто смеются (фокус-группа, Притеречный р-н).

Если сегодня военные прошли, то в радиусе 3 км рядом ходить нельзя. Если сами в течение суток ничего не взорвут (якобы они нашли взрывчатку), значит, или дом, или школа, или машина взорвутся. Сами минируют, сами разминируют (фокус-группа, Горный р-н).

Это безобразия, когда внутри города блокпосты стоят, эти мальчики в касках берут с тебя по десятке за каждый проезд. Они меня не защищают, они меня грабят. Вообще самые главные безобразия чинят армия и ваххабиты. И те и другие равно опасны для обычного человека. Пока эта проблема не будет решена, хотя бы со стороны армии, к власти не будет доверия (из интервью с женщиной преподавателем).

Я была очевидцем, как забрали школьника, мальчика лет 13, на вид ему не дашь больше 8 — до того маленький и худенький. Он физически автомат даже поднять не мог бы. Пришли люди в масках, в военной форме, забрали его. Потом родители нашли его через кого-то в каком-то КПЗ, где он мыл металлическую ограду, заплатили и забрали домой. Это были русские, армия (из интервью с женщиной учителем).

Армия никого не защищает. У нас был дед в селе, сейчас он уехал. Так в то время, когда у нас в помещении больницы жили собровцы, человек 300—400, это большая сила, они были вооружены, этот дед выбежал к больнице во время комендантского часа, стучался, кричал, что его грабят, убивают, никто и не вышел, мы сами помогли (фокус-группа, студенты).

Постоянное напряжение и нервозность во многом вызываются невозможностью определить, к какому ведомству относятся военнослужащие из-за единообразной камуфляжной формы и кто они на самом деле — федеральные военные, вооруженные охранники местной элиты, бойцы сопротивления или переодетые бандиты.

Сегодня не знаешь, кто бандит, кто федерал. Все в масках. Нет же указаний, чтобы на БТР были номера, а военные представлялись и документы показывали (из интервью с женщиной преподавателем вуза).

Личной безопасности не было и нет, могут ночью заявиться, а там разберись, кто это. Все в одинаковой одежде, камуфляжной маске, одинаковое оружие у

всех. Чеченец от русского ночью не отличишь (из интервью с мужчиной торговцем).

Если у тебя в кармане больше 5 тыс. рублей, то ты уже не жалец, все сделают, чтобы взять их. Я не говорю, что это именно русский или чеченец. Это человек в форме, иди потом докажи, где он служит. Если бы каждые войска носили свою форму, мы бы знали, кого винить. Все надели одну форму, пятнистую. Все в масках (фокус-группа, Горный р-н).

Респонденты утверждают, что в Чечне отсутствует механизм защиты мирных граждан как таковой, а именно нет службы экстренной помощи гражданам и самой возможности связи с такого рода службой.

Сейчас, если на меня будут нападать, у меня нет даже номера телефона, по которому я мог бы позвонить, чтобы кто-то пришел ко мне и помог. Нет ни одной такой службы (из интервью с мужчиной руководителем строительной организации).

Я бы в первую очередь наладил связь, сделал бы телефон экстренной помощи 911. Связи нет, скорой помощи нет, если с человеком что-то случится, смотри как он умирает (из интервью с мужчиной преподавателем вуза). Не работает система судебной-исполнительной власти, преступления фактически остаются безнаказанными.

Уголовники чувствуют себя очень вольготно. Если тебя ограбили, то некому идти жаловаться (из интервью с женщиной учителем).

Говорят, прокурор возбудил 1700 уголовных дел по поводу хищений, грабежей, бандитизма и убийств. Население очень сомневается, что возбужденные уголовные дела вообще заканчиваются хоть чем-то (из интервью с женщиной завкафедрой ЧГУ).

Надо, чтобы преступников задерживали в законном порядке и судили публично. Вот Радуева задержали — и ничего (групповое интервью, ст. Шелковская).

Важнейшей проблемой для населения республики является безработица. В республике полностью разрушена промышленность. Ситуация усугубляется отсутствием возможности выезда избыточной трудовой силы за пределы республики на заработки.

Ни нефтяная промышленность, ни фабрики, ни заводы не работают. Строители не работают. Даже если сегодня начнут строить дома, то сначала надо восстановить или построить кирпичные заводы, домостроительные комбинаты, чтобы было из чего строить (из интервью с мужчиной — бывшим членом парламента Ичкерии).

Абсолютно нет рабочих мест. Люди уже забыли, что такое работа. Единственное медики и учителя работают (из интервью с женщиной — сотрудником администрации Кадырова).

В годы советской власти огромная часть, особенно сельского населения, выезжала на заработки — шабашичала. Сейчас эта возможность полностью отрезана (из интервью с женщиной завкафедрой ЧГУ). В Чечне разрушается основа семьи, которая традиционно базировалась на признании мужчины как главного добытчика, что воспринимается чрезвычайно болезненно и фактически ведет к изменению традиционного семейного уклада.

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

Я иду сегодня с пустыми руками домой. Мне стыдно перед женой, перед семьей, мужчина унижен совсем, потому что жена сидит на рынке, а я сижу у нее на шее. При Советском Союзе жены никогда не работали, жена была мать ребенка, а сейчас она — кормилица (фокус-группа, Горный р-н). Особую остроту в сложившейся ситуации приобретает трудоустройство молодежи.

Молодежь не должна слоняться по улицам, утром стремительно идти на работу, а вечером — с работы, чтобы у молодежи не оставалось времени на всякое плохое (фокус-группа, Центральный р-н).

Молодежь бездействует, бездельничает. Цельми днями на базаре стоят болтают, а отсюда и пьянство, и наркомания (групповое интервью, ст. Шелковская).

Третья по значимости проблема — это отсутствие жилья, разрушенного как в ходе боевых действий, так и в результате стихийных бедствий, восстановление которого ведется, по восприятию населения, очень медленно и неэффективно.

Человеку надо где-то жить. Разрушены дома. Я не могу в свой дом вернуться, мне не было никакой помощи. Сколько денег угроблено на эти общежития для беженцев. Если бы нам десятую часть дали этого, мы бы свои дома сами бы отстроили (из интервью с женщиной — мелким бизнесменом).

Наша проблема заключается в том, что все хотят, чтобы беженцы вернулись, но людям часто просто некуда возвращаться. Где я жил до последнего времени, нет ни света, ни воды (из интервью с женщиной-преподавателем вуза).

Жилье — это огромная проблема. Вот моя квартира разрушена, мы живем в квартире других людей — беженцев. Если они вернутся, я просто не представляю, что мы будем делать и где жить (из интервью с женщиной — завкафедрой ЧГУ).

Существующая система восстановления индивидуального жилья (а в Грозном это 60 % всех квартир), по мнению участников дискуссий, доказала свою полную несостоятельность. Восстановление через уполномоченные организации приводит только к баснословным припискам и расхищению средств.

Управление капитального строительства по восстановлению Чеченской Республики находится в Москве. Это они решают, как восстанавливать каждый домик. Огромные затраты, освоение средств на командировках и так далее, а реальных подвижек нет. Нужно дирекцию приблизить к месту, решать вопросы на месте (из интервью с женщиной — одним из лидеров «Единой России» в Чечне).

Я не могу пойти в администрацию и у кого-то конкретно спросить, когда и что будет восстанавливаться, например, мой дом (фокус-группа, Центральный р-н).

Я бы весь Госстрой упразднил бы, всю компанию и Кошмана, и Ильясова упразднил бы, как ненужную, а людям бы отдал живые деньги как в Дагестане. Мы целую армию жуликов оставим без работы, а люди сами бы все сделали (из интервью с женщиной преподавателем).

У меня есть соседка. Ей восстановили маленькую кухоньку. Оштукатурили, сделали два окна и дверь. И вдруг она узнает, что есть организация, где она может узнать по компьютеру во сколько обошлось государству восстановление ее дома. И когда она пошла и узнала, мы ее три дня откачивали. Официально на восстановление ее дома ушло 296 тыс. рублей (из интервью с женщиной учителем).

Все уверены, что если бы средства, предназначенные на восстановление жилья, распределялись адресно, через Сбербанк, то город через год нельзя было бы узнать.

Деньги нужно отдавать людям, потому что это будут деньги в 2—3 раза меньшие, так как люди не платят налоги. Я как руководитель предприятия должен ставить сумму в 2 раза большую, потому что я налоги плачу (из интервью с мужчиной— руководителем строительной организации).

В Грозном 60 % жилья было собственное, я строил этот город 35 лет, я помню эту цифру. Видеть его разрушенным страшно. Если бы людям компенсировали стоимость их разрушенного жилья, то они бы отстроились, вернулись, жизнь бы закипела. Чеченцы любят строить, семьи у нас большие. Даже если я пойду на завод, то для своей семьи я буду работать на своей стройке, чтобы отстроить мой дом (из интервью с мужчиной — бывшим членом парламента Ичкерии).

Результаты исследования дают все основания утверждать: чеченское общество осознало, что исторически повторяющиеся трагедии Чечни — результат низкого уровня образования. В обществе, где традиционно восхвалялись мужество, сила, отвага, сегодня одной из важнейших ценностей считается, что «дети учатся, школа работает».

Я очень волнуюсь за будущее нашей республики. Чеченский народ в течение 40—50 лет находится в катастрофическом положении, нам сегодня нужно как-то получить высшее образование. Не в том смысле, чтобы получить диплом, а действительно стать образованными людьми и выйти на международный уровень развития (фокус-группа, студенты).

В качестве одной из важнейших проблем для поступательного развития республики аудиторией назывался разрыв, возникший в системе образования, когда целое поколение детей было выключено из образовательного процесса.

У наших соседей ребенку 14 лет, а он только в 3-м классе учится. Появились люди, которые ни читать, ни писать не умеют (фокус-группа, Центральный р-н).

Самая страшная наша потеря — это разрыв в образовании, все эти 10 лет, когда никто не учился. Теперь это основное население 20—25 лет, самый активный возраст. Это отставание как минимум лет на 50 (из интервью с мужчиной — одним из лидеров «Единой России» в Чечне).

Референдум как шаг к мирной жизни

В контексте этих проблем референдум, проведенный 20 марта 2003 г., население воспринимает как возможный шаг в направлении к нормализации жизни в

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

республике. Именно этим объясняется высокая активность людей и их поддержка основных документов, вынесенных на референдум.

Большинство простых людей воспринимали референдум как положительный или отрицательный ответ на вопрос о том, «должна ли Чечня быть в составе России».

Опросы показали, что о референдуме знало почти все взрослое население. О том, что на референдум выносится проект Конституции Чеченской Республики, спонтанно ответили 57 % респондентов. Около половины опрошенных (48,6 %) за неделю до референдума заявили, что в той или иной форме имели доступ к документам, выносимым на голосование (держали в руках, просматривали, читали, изучали).

Как показали наши опросы накануне референдума, большая часть жителей решили участвовать в референдуме потому, что надеялись на изменения к лучшему.

Приведем некоторые ответы, полученные в ходе исследования.

Наиболее типичные аргументы «за»:

это начало мирной жизни, примем конституцию, выберем президента, тогда будет больше законности и порядка;

оттягивать референдум— только на руку генералам;

прекратится эта бойня, кончится беспредел военных, уйдут русские, федералы;

важно, что президента никто не сможет снять, поменять;

если мы будем с Россией, нам помогут восстановить Чечню, теперь мы одни не справимся;

мы сможем сами распоряжаться своими богатствами, жить по своим законам;

будет подтверждено, что мы, граждане России, сможем иметь все права, свободно перемещаться;

будем такие же, как все.

Наиболее типичные аргументы «против»:

какой смысл, все равно они напишут, как им нужно;

Закон о референдуме гласит, что он может проводиться на свободной территории. Как мы можем в условиях оккупации, под дулом автомата, говорить ?;

это все равно ничего не изменит, ведь сейчас мы живем по конституции России, а она не выполняется, нас в России не считают за людей;

сначала вы меня спросите, хочу ли я быть в России, а уж потом готов ли принять конституцию Чечни;

сначала нужны переговоры с руководством Ичкерии;

нам дают готовые документы, а где варианты? Может, я за парламентскую, а не за президентскую республику?;

надо сначала порядок навести, а потом проводить референдум;

Горбачёв провел референдум о сохранении Союза, разве это помогло ?

В количественном исследовании (первая волна) на открытый вопрос (не имеющий предложенных вариантов ответов): «Почему вы решили принять участие в референдуме?» получены такие ответы:

надеюсь на изменение к лучшему (55 %);
 желание мира, надежда на конец войны (24 %);
 референдум — мой личный вклад в стабилизацию республики (13 %);
 Чечне нужны законы (13 %);
 должны быть своя конституция, президент, парламент. Без конституции
 не может быть государства (9 %);
 чтобы Чечня имела свои законные права (6 %);
 решается судьба республики (5 %);

думаю о будущем своих детей, чтобы они не видели ужасов войны (3 %); и т. д.
 На вопрос: «Почему вы решили не принимать участие в референдуме?»
 получены такие ответы:

не верю в референдум (28 %);
 вообще никому не верю (16 %);
 референдум преждевремен, пока идет война (войска, зачистки, исчезают невин-
 ные люди), сначала нужны переговоры с Масхадовым (16 %);
 от меня ничего не зависит (15 %);
 власти уже все решили, не верю в честный подсчет результатов (11 %);
 не поддерживаю нынешнюю власть, не верю федералам (7 %);
 я в этом не разбираюсь (7 %);
 опасаясь за свою личную безопасность (7 %);
 из-за плохого здоровья (5 %);
 не нравится проект конституции (3 %);
 Конституция РФ не защищает мои права, Россия не выполняет своих обяза-
 тельств (3 %); и т. д.

За неделю до референдума о своем намерении участвовать в нем заявили
 64,1 % опрошенных. Из них твердое и окончательное решение участвовать в
 референдуме подтвердили 57 % респондентов. Остальные 8 % еще могли изме-
 нить свое намерение.

Среди решивших принять участие в референдуме оказалось 70,4 % мужчин
 и 58,8 % женщин.

Наибольшая активность предполагается в старшей возрастной группе (68 %
 среди людей старше 50 лет). В младшей возрастной группе решивших принять
 участие в референдуме предполагалось на 13 % меньше (55 %).

Наиболее низкое количество решивших участвовать в референдуме в Гроз-
 ном (54 %) и лагерях беженцев (45,7 %). Наиболее активными, по нашим дан-
 ным, должны были оказаться жители южных районов (73,3 %).

В этот же период о своем нежелании участвовать в референдуме заявили
 почти четверть опрошенных (25 %). Реально эта цифра могла уменьшиться до 18 %,
 так как именно столько человек приняли твердое решение не голосовать. В этой
 группе еще 7 % могли изменить свое решение. Среди обитателей лагерей бежен-
 цев 44 % говорили о том, что не будут участвовать в референдуме. За неделю до
 референдума 10—11% еще не приняли решения об участии.

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

Согласно нашим прогнозам референдум должен был состояться. При этом подавляющее большинство жителей собирались проголосовать «за». По нашим данным за проект конституции планировали проголосовать 88 % тех, кто твердо собирались участвовать в референдуме. Фактически не было намерений протестного голосования. Те, кто собирались пойти, решили проголосовать «за», остальные просто не думали участвовать в референдуме.

Заключение

Сегодня у нас после проведения исследований больше вопросов, чем ответов. Так, пока остается открытым вопрос о том, насколько устойчивы полученные результаты. Можно предположить, что на них повлияла мощная пропагандистская кампания, развернутая в СМИ. Российское общество впервые за несколько лет повернулось лицом к Чечне и к ее народу, и люди могли спонтанно отреагировать на это.

Остается открытым вопрос о подлинном лице чеченского сопротивления, сепаратизма. Нахождение точек соприкосновения, возможных компромиссов в позиции конструктивной части оппозиции в условиях отсутствия переговорного процесса — вполне социологическая задача. Голос почти каждого четвертого жителя республики должен быть услышан.

Мониторинг социально-экономических проблем чеченского общества в отражении общественного мнения также является одной из актуальных исследовательских задач. Необходимо улавливать новые тенденции, изменения интересов, взглядов, ценностей населения и учитывать это, анализируя процессы, протекающие в чеченском обществе.

Очевидно, что в настоящее время проводить опросы в Чечне довольно опасно. Об этом нельзя забывать. Но наш опыт доказывает, что профессиональные исследования в республике проводить можно и нужно. Здесь, как нигде в другом месте, в них нуждаются люди, в них нуждается общество.

Литература

Far from normal // Economist 2003. 20 March.

Putin's proposition // Economist 2003. 25 March.

Бабицкий А. Итоги референдума в Чечне // www.svoboda.org. 2003. 23 марта.

Приложение.**Построение выборки: пример отбора точек опроса**

Код района	Код НП	Населенный пункт	Числен	%	Точки
1	2	3	4	5	6
1		г. Грозный	164 852		17
1	1	Ленинский р-н	52 869	32,1	5
1	2	Старопромысловский р-н	43 064	26,1	4
1	3	Заводской р-н	38 634	23,4	4
1	4	Октябрьский р-н	30 285	18,4	4
2		Грозненский район	1 11 291		12
2	1	с. Старая Сунжа	9 752	8,8	1
2	2	с. Старые Атаги	9 105	8,2	1
2	3	с. Алхан- ала	8000	7,2	1
2	4	с. Чечен-Аул	7 714	6,9	1
2	5	с. Толстой-Юрт	7 669	6,9	1
2	6	С. Комсомольское	6 692	6,0	
2	7	с. Кулары	5731	5,1	1
2	8	п. Гикало	4917	4,4	1
2	9	с. Пригородное	4 710	4,2	1
2	10	ст. Первомайская	4 608	4,1	
2	И	ст. Петропавловская	3 662	3,3	
2	12	с. Побединское	3 563	3,2	
2	13	с. Октябрьское	2 825	2,5	
2	14	с. Садовое	2 789	2,5	
2	15	с. Виноградное	2 657	2,4	
2	16	с. Новый-Центорой	2 123	1,9	1
2	17	с. Радужное	2 054	1,8	1
2	18	с. Кень-Юрт	1 835	1,6	
2	19	с. Правобережное	1 768	1,6	
2	20	с. Пролетарское	1720	1,5	
2	21	с. Алхан-Чурт	1669	1,5	
2	22	С. Дачу-Борзой	1 610	1,4	
2	23	ст. Горяченсточненская	1 549	1,4	
2	24	ст. Ильновская	1541	1,4	
2	25	п. Долинский	1 490	1,3	
2	26	с. Керла-Юрт	1 304	1,2	
2	27	с. Терское	1231	1,1	
2	28	с. Газ-Городок	1 104	1,0	
2	29	с. Беркат-Юрт	1094	1,0	1
2	30	с. Чишки	1088	1,0	
2	31	с. Нагорное	1087	1,0	

Изучение общественного мнения Чеченской Республики

Продолжение таблицы

Код района	КодНП	Населенный пункт	Числен	%	Точки
2	32	с. Лаха-Варанды	729	0,7	
2	33	с. Пионерское	374	0,3	
2	34	п. Примыкание	332	0,3	
2	35	п. Бартхой	206	0,2	
2	36	п. Майский	204	0,2	
2	37	с. Красностепновское	173	0,2	
2	38	п. Дружба	150	0,1	
2	39	ст. Ханкала	132	0,1	
2	40	п. Гуношки	131	0,1	
2	41	п. Набережный	105	0,1	1
2	42	с. ДТС "чишки"	73	0,1	
2	43	с. Мехкарьер	21	0,0	
2	44	с. Ярыш-Марды		0,0	
2	45	п. Ханкала		0,0	
3		Гудермесский район	108611		11
3	1	г. Гудермес	37518	34,5	4
3	2	с. Ойсхара	12697	11,7	1
3	3	с. Нижней Нойбер	7107	6,5	1
3	4	с. Джалка	6062	5,6	1
3	5	с. Энгель-Юрт	5840	5,4	1
3	6	с. Кошкельды	4866	4,5	1
3	7	с. Иласхан-Юрт	4309	4,0	1
3	8	с. Герзель-Аул	3615	3,3	
3	9	с. Комсомольское	3132	2,9	
3	10	с. Ишхой-Юрт	3032	2,8	1
3	11	с. Верхний Нойбер	2869	2,6	
3	12	с. Брагуны	2856	2,6	
3	13	с. Кади-Юрт	2718	2,5	
3	14	с. Мелчхи	2409	2,2	
3	15	с. Керла-Энгеной	2124	2,0	
3	16	с. Дарбанхи	1757	1,6	
3	17	с. Шуани	1515	1,4	
3	18	с. Азамат-Юрт	1217	1,1	
3	19	с. Бильтой-Юрт	1164	1,1	
3	20	с. Гордали-Юрт	1085	1,0	
3	21	с. Хангиш-Юрт	719	0,7	
4		Урус-Мартановский район	98567		10
4	1	г. Урус-Мартан	39118	39,7	4
4	2	с. Гойты	11376	11,5	1
4	3	с. Гехи	11227	11,4	1
4	4	с. Алхан-Юрт	8167	8,3	1

Окончание таблицы

Код района	КодНП	Населенный пункт	Числен	%	Точки
4	5	с. Шалажи	6 387	6,5	1
4	6	с. Алхазурово	5 399	5,5	1
4	7	с. Мартан-Чу	5143	5,2	
4	8	с. Рошни-Чу	3539	3,6	
4	9	с. Гойская	2 646	2,7	
4	10	с. Гехи-Чу	2 221	2,3	
4	11	с. Танги-Чу	2 132	2,2	1
4	12	с. Комсомольское	1212	1,2	
5		Шалинский район	85 004		8
5	1	г. Шали	30 100	35,4	3
5	2	с. Авгуры	13 140	15,5	1
5	3	с. Мескер-Юрт	8 038	9,5	1
5	4	с. Новые Атаги	7 935	9,3	1
5	5	с. Герменчук	6 975	8,2	1
5	6	с. Чири-Юрт	5 585	6,6	
5	7	с. Дуба-Юрт	4 514	5,3	1
5	8	с. Сержень-Юрт	3 607	4,2	
5	9	с. Белгатой	3 416	4,0	
5	10	с. Агишты	1 694	2,0	
6		Курчаловский район	68 547		7
6	1	с. Цоци-Юрт	12 083	17,6	2
6	2	с. Курчалой	12 017	17,5	1
6	3	с. Бачи-Юрт	10 352	15,1	1
6	4	с. Аллерой	7 717	11,3	1
6	5	с. Майртуп	6 862	10,0	1
6	6	с. Гелдаган	6 794	9,9	
6	7	с. Центарой	5 259	7,7	
6	8	с. Ялхой-Мохк	2 409	3,5	
6	9	с. Джугурты	1 025	1,5	
6	10	с. Эникали	877	1,3	
6	11	с. Ахкинчу-Барзой	795	1,2	
6	12	с. Бельты	700	1,0	
6	13	с. Хиди-Хутор	550	0,8	
6	14	с. Джагларги	295	0,4	1
6	15	с. Ники-Хита	290	0,4	
		И так далее, по другим населенным пунктам			